

ДОЖДЬ В НОВОСИБИРСКЕ

Я должное дождю воздам,
а он воздаст его карнизам,
скамейкам,
улицам,
домам,
а небо — хмуро,
небо — сизо!
Июльский дождь, Новосибирск...
Не дождь, а ливень — не иначе!
От струй, от брызг — я пьяный вдрызг,
и это — крупная удача.

...Я помню: высыхал, как кот,
в букинистическом отделе,
и книгу — оттепельный год —
Ахматовой!
Да, в самом деле!
Сопровский!
Прасолов!
Беру!
Купюра мокрая?
Простите!
Ведь это дождь завёл игру
с прохожими,
завёл, провидец,
меня сюда.
И так я рад,
как будто клад средневековый
нашёл я.
Да чего там — клад?..
Стихи!
Не нужно — остального.



Игорь
ХОХЛОВ

*

Придумали и Питер, и Москву,
переключили тумблеры в мозгу,
и вышли на режим «Там — жизнь, а здесь —
нет»,
и вряд ли ощущение исчезнет.

Придумали полуночный глинтвейн,
придумали прогулку по Неве,
придумали сердитые трамваи,
за ними никогда не успевая.

Придумали расхристанный плацкарт
и путь обратный, август или март,
очнулись где-то как-то у кого-то
и замерли, как перед эшафотом.

*
Мы жили на проспекте Худо-Бедно,
и видели детей ничейных, бледных,
спешащих ли куда-то, вдаль бегущих,
то ль догоняющих, то ль отстающих.

Мы жили на проспекте Худо-Бедно,
любовь была взаимно безответна
друг к другу столько лет, и обреченно
смотрели на промзону, сквозь промзону.

Мы жили на проспекте Худо-Бедно,
труба плевалась в небо, словно Этна,
мы выучили формулу этана
и покупали серую сметану.

Мы жили на проспекте Худо-Бедно,
нам предлагали домик на Рассветной,
но мы привыкли к этому проспекту:
жилой массив и скромный этот сектор...

Мы жили на проспекте Худо-Бедно,
не пролетарии — интеллигенты,
пылились мирно жёлтые дипломы,
сухи и невесомы, как солома.

Таили, таяли, летели, стали
вечерним дымом, городской печалью,
и растворились мы в закате медном,
и нас уже не помнит Худо-Бедно.

*
В маленьком блокноте тесно
строкам длинным, строкам пресным.
Строки нужно сокращать,
а потом — стихи в печать.
Что там в маленьком блокноте, —
спросишь ты, — скажи, не против,
если что-нибудь прочту?

...Жили мы в краю простуд,
и глинтвейн варили с грогом,
и мечтали о немногом:
лето, горы, облака.

Вот — короткая строка.
Скажешь: верная строка,
поцелуешь у виска.

Проживём — наверняка.

РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Всё в русском языке не зря:
рифмовка «битва» и «молитва»,
согласных с гласными отряд,
смягчающих ли, горделивых...
Ведь это кладезь, боже мой!
Я наплюю на государство,
но встану за язык — стеной,
в секунду встану я, на раз-два!
В бреду горячечном твердить,
твердить в коньячном ли дурмане:

*«Веди меня, язык, веди,
ты мой пастух, а я лишь — странник,
но не случайно говорю,
не просто губы разлепляю,
а в силу верую твою,
что милует и опаляет».*

*

Со всей страны приехали в столицы
в диапазоне «восемнадцать-тридцать»
музыковеды и филологини,
и думают, что станут в них другими.

Ещё — специалисты по рекламе,
имеющие профиль в инстаграме,
в них открывают школы макияжа
через какой-то год, а может, раньше.

А почему «столицы» — не «столица»?
Есть Питер. Есть Москва. И есть сердиться
на автора возможность. Правда-правда!..
А где же сам живёт и пишет автор?

А я скажу. Есть город односложный,
дымящий, огнедышащий, тревожный.
Есть в кабинете столик и алоэ,
и есть поэт. И есть его бывшее.

И он пока в столицы не стремится.
Решится — поплывёт, да на реснице,
да как на лодке лёгкой, верной, чёрной,
изогнутой, чуть не сказал — оффшорной.

